A20 5/124

A 20 5/124

КРАТКОЕ ИЗВѢСТІЕ

О ПЛЕМЕНАХЪ ВЪ РАЗНОЕ ВРЕМЯ НАСЕЛИВШИХЪ НЫНѢШНІЯ ГУБЕРНІИ МОСКОВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

Статья И. Д. Бѣляева.

МОСКВА.
Въ Губернской Типографіи.
1864.

ЧЕРТКОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
18125.32

БИБЛИОТЕКА
Госуд. публичная
№ 18125
1932
1/VIII

Краткое извѣстіе о племенахъ въ разное время населившихъ нынѣшнія губерніи Московскаго Учебнаго округа.

(Статья И. Д. Бѣляева).

Губерніи Московскаго Учебнаго Округа частію заключены въ трехугольникѣ образуемомъ рѣками Волгою и Окою и верховьями Днѣпра, частію примыкаютъ къ этому трехугольнику. Для классической древности Греціи и Рима эта страна была въ полномъ смыслѣ terra incognita, земля невѣдомая. О ней всѣ древніе классическіе писатели, начиная съ Геродота, разсказываютъ разныя невѣроятныя сказки, населяютъ ее какими-то Меланхленами, людоѣдами, Гипербореями и другими невѣдомыми народами; впрочемъ изъ всѣхъ спутанныхъ древнихъ сказаній о жителяхъ этой невѣдомой страны можно вывести одно вѣрное положеніе, что ни Греки, ни Римляне незнали этой страны и о жителяхъ ея знали только то, что они были не Скифы, не Сарматы, и вообще не принадлежали къ полудикимъ племенамъ, жившимъ по Сѣверному побережью Чернаго моря и сколько нибудь знакомымъ Греціи и Риму. Такъ прямо говоритъ Геродотъ о людоѣдахъ и меланхленахъ: «Людоѣды, народъ, самъ по себѣ вовсе не Скифскій» или о Меланхленахъ «народъ особый ни-

сколько не Скифскій.» Послѣ Геродота ни въ географіи ни въ этнографіи здѣшняго края ничего неприбавилось существеннаго ни у Греческихъ ни у Римскихъ писателей; здѣшній край для нихъ продолжалъ быть невѣдомою землею, покрытою Киммерійскимъ мракомъ, и только съ половины IV вѣка по нашему лѣтосчисленію этотъ непроницаемый мракъ сталъ по немногу проясняться въ слѣдствіе движенія разныхъ народовъ съ востока на западъ, и уже у Готѳскаго историка VI вѣка Іорнанда мы встрѣчаемъ опредѣленныя названія финскихъ племенъ Мордвы, Мери и Веси, которыя были покорены Готѳскимъ царемъ Ерманарихомъ (Iornand, de rebus getic cap. XXX) въ IV столѣтіи; но и въ извѣстіи Іорнанда, весьма важномъ для историка этнографа, все дѣло пока заключается въ томъ, что вмѣсто смурыхъ кафтановъ (Меланхленовъ) и людоѣдовъ, поставлены уже настоящія историческія имена народовъ или племенъ. Конечно имена сіи для насъ очень важны, ибо по нимъ мы, соображаясь съ послѣдующими извѣстіями, узнаемъ, что въ здѣшнемъ краю жили племена принадлежащія къ финской расѣ, что племена сіи были здѣсь исконными первоначальными обитателями, что Геродотовы людоѣды и меланхлены, или смурые кафтаны, были никто иные, какъ Мордва, Меря и Весь Іорнанда. Тѣмъ не менѣе здѣшній край продолжалъ быть страною неизвѣстною; полчища Ерманариха только

прошли черезъ нее, собрали дань съ дикихъ туземцевъ, добились отъ нихъ какой-то номинальной покорности Готѳскому царю, тѣмъ дѣло и кончилось. Готѳы отодвинулись на западъ и позабыли про своихъ приволжскихъ и прикскихъ дикихъ данниковъ; имъ въ своемъ движеніи на западъ было вовсе не до Мордвы, Мери и Веси. И вся эта страна по прежнему покрылась мракомъ неизвѣстности.

Между тѣмъ въ VIII, а можетъ быть и въ VII столѣтіи мало по малу въ углу образуемомъ впаденіемъ Камы въ Волгу сложилось сильное царство Булгаръ. Булгары будучи одной расы съ Азіатскими Тюркими племенами принявшими мусульманство, скоро вступили въ торговыя сношенія съ Арабами, представителями мусульманства, а въ X столѣтіи уже приняли и сами исламизмъ. Близкія сношенія Булгаръ съ предпріимчивыми и образованными Арабами начали проливать нѣкоторый свѣтъ и на сосѣднія съ Булгарами финскія племена, и въ числѣ ихъ едва ли не прежде и не больше всѣхъ на обитателей здѣшняго края Мордву и Весь. Богатые мѣха собольи, бобровые, куньи, лисьи, бѣличьи и выдровыя привозимые къ Булгарамъ изъ глубокаго Сѣвера и дорого цѣнимые въ роскошной мусульманической Азіи, влекли къ Булгарамъ множество Арабскихъ торговцевъ, отличавшихся въ то время неутомимою предпріимчивостію и любознательностію. Не-

довольные сношеніями только съ Булгарами, ловкими торговцами, Арабы старались проникнуть и въ страны, снабжавшія Булгарію дорогимъ товаромъ, и вступить въ непосредственныя сношенія съ тамошними жителями, чтобы съ большею выгодою пріобрѣтать нужные для нихъ товары и не зависѣть отъ корыстолюбиваго посредничества Булгаръ; съ этою цѣлію они старались вывѣдывать отъ Булгаръ, Козаръ и всѣхъ пріѣзжихъ въ Булгарію о положеніи тѣхъ странъ, откуда получаются богатые мѣха и другіе предметы торговли, и кто ихъ обитатели. И сіи то развѣдыванія Арабскихъ торговцевъ, записанныя болѣе образованными путешественниками и географами Арабскими, составляютъ ту добычу этнографическихъ свѣдѣній, которую даютъ намъ Арабскіе ученые. Добыча эта очень важная для этнографіи все-таки заключается преимущественно въ однихъ народныхъ именахъ согласныхъ съ именами записанными у Іорнанда, остальныя же свѣдѣнія о здѣшнихъ народахъ по прежнему остаются баснословными и почти таковыми же, какими были свѣдѣнія собранныя древнимъ Геродотомъ. Хитрые булгарскіе торговцы, не желая выпустить изъ своихъ рукъ торговлю съ полудикими сосѣдями, разсказывали пытливымъ Арабамъ чистыя басни съ людоѣдами и другими чудесами. Такъ знаменитый Арабскій путешественникъ, посолъ Калифа Муктадера, Ибнъ Фоцланъ, бывшій въ Хазаріи и Бул-

гаріи, въ началѣ X столѣтія говоритъ по разсказамъ торговцевъ, что никто изъ Арабовъ не ѣздитъ для торговли далѣе Булгара, никто не доходитъ до Мордовской земли (по Арабски Ерза), потому что туземцы пожираютъ иностранцевъ. Впрочемъ по свидѣтельству тѣхъ же Арабовъ (Ибнь-Хаукаль) Мордва пріѣзжала по рѣкѣ въ Булгарію для торговли, только не любила разсказывать о своихъ дѣлахъ и товарахъ, и даже имѣетъ торговыя сношенія съ Кіевомъ и сопровождаетъ туда иноземныхъ купцовъ. Далѣе Арабы по разсказамъ Булгарскихъ торговцевъ пишутъ, что на крайнемъ Сѣверѣ въ трехъ мѣсяцахъ пути отъ Булгара, если идти Волгою въ верхъ, живетъ народъ Весь, тамъ ночи бываютъ короче часу. По словамъ Якута Булгарскіе купцы ѣздили въ сторону Веси на ладьяхъ въ верхъ по Волгѣ и вывозили оттуда много мѣховъ бобровыхъ, соболыхъ и бѣличьихъ. Но сами Весь не входятъ въ страну Булгаръ потому, что лишь только взойдутъ въ нее тамъ измѣняется воздухъ и наступаетъ такой холодъ, что будь то хоть середи лѣта, вездѣ растенія завянутъ. Булгарамъ это извѣстно, прибавляетъ Казвини, и потому они запрещаютъ имъ приходить въ ихъ страну. Торговля Булгаръ съ Весью по свидѣтельству Арабовъ производилась слѣдующимъ образомъ: «Булгары пріѣзжали въ опредѣленное мѣсто, или урочище, оставляли тамъ товары, помѣтивъ ихъ какими нибудь знаками, и потомъ

удалялись. Въ это время туземцы раскладывали рядомъ свои произведенія, которыя считали равноцѣнными и также удалялись. Ежели Болгарскіе купцы по возвращеніи находили мѣну выгодною, то брали съ собой мѣстные товары и оставляли свои. Въ противномъ случаѣ они удалялись на время, и это значило, что они требовали прибавки. Жители надбавляли то или другое произведеніе до тѣхъ поръ пока не состоится торгъ. Продавцы и покупатели уѣзжали тогда во свояси съ вымѣненными товарами, невидавши другъ друга въ глаза.» (Казвини, Бакуви Аашикъ и Абульфеда).

Извѣстія доставляемыя намъ Арабскими писателями далѣе Мордвы и Веси пейдутъ, ни о Мери ни о Муромѣ, жившихъ на пространствѣ нынѣшнихъ губерній Владимірской, Московской, частію Нижегородской и Ярославской, именно между странами Мордвы и Веси, у Арабскихъ писателей нѣтъ и помину. Арабы по всему вѣроятію Мерю и Мурому причисляли къ Мордвѣ, ибо Булгарскіе торговцы съ намѣреніемъ не сообщали имъ точныхъ подробныхъ извѣстій о сихъ племенахъ и старались запугать Арабовъ отдаленностію, пустынностію и негостепріимствомъ всего края лежащаго на западъ и сѣверъ отъ камской Булгаріи. Тѣмъ не менѣе свѣдѣнія, сообщаемыя Арабами имѣютъ большую цѣну для этнографіи, они намъ съ большею опредѣленостію указываютъ на мѣстность занятую финскими племенами, о

которыхъ у нихъ идетъ рѣчь; изъ Арабскихъ извѣстій мы видимъ, что Мордва и Весь тогда жили именно на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ ихъ застаетъ послѣдующая исторія, и что особенно важно для нашего вопроса, — мѣстность эта совпадаетъ съ тѣмъ райономъ, историческую этнографію котораго намъ нужно опредѣлить.

Но еще важнѣе для рѣшенія нашего вопроса извѣстія сообщаемыя Исландскими сагами; въ этихъ полумиѳическихъ и полуисторическихъ сказаніяхъ Скандинавскаго міра, здѣшній финскій край уже представляется пропитаннымъ Славянскими колоніями изъ Новгорода и состоящимъ въ зависимости отъ Новгородцевъ. Сага Орваръ-Одда, жившаго въ половинѣ IX вѣка, говоритъ, что во время Орваръ-Одда по смерти одного Голмгардскаго или Новгородскаго Государя сдѣлался тамошнимъ владѣтелемъ какой-то неизвѣстный мужъ по имени Квилланъ, который всегда ходилъ съ закрытымъ лицемъ и о которомъ никто не зналъ изъ какого онъ рода и откуда пришелъ. Въ это время владычество Гардовъ или Новгородцевъ такъ было обширно, что заключало въ своихъ земляхъ владѣнія многихъ Государей: Маро былъ владѣтелемъ въ Маромарѣ (Муромѣ), Радставъ владѣлъ Радставомъ (Ростовомъ), Эддвальдъ въ Сурздалѣ (Суздали), Голмейръ былъ Государемъ Голмгарда (Новгорода). Всѣ сіи владѣтели были данниками Квилланна». Въ настоящемъ полумиѳическомъ и полуистори-

ческомъ извѣстіи конечно мы не слышимъ ни о Мери ни о Веси ни о другихъ финскихъ племенахъ здѣшняго края, которыя жили здѣсь, какъ мы видѣли, по Арабскимъ и другимъ извѣстіямъ; но для насъ важно въ настоящемъ извѣстіи Исландской саги то, что въ половинѣ девятаго столѣтія, а вѣроятно и раньше, въ здѣшній финскій міръ проникли уже колоніи Новгородскихъ Славянъ и начали великую историческую работу претворенія Финновъ въ Славянъ. А о Славянахъ мы здѣсь не слыхали ни отъ Іорданда ни отъ Арабовъ, знавшихъ въ здѣшнемъ краю только Мордву, Мерю и Весь, и не подозрѣвавшихъ Славянскихъ колоній. Исландскія и Арабскія сказанія представляютъ намъ здѣшній край съ двухъ сторонъ и съ двухъ точекъ зрѣнія: первыя Скандинавскія съ западной стороны, съ Новгородской или Славянской точки зрѣнія; а вторыя Арабскія съ восточной стороны и съ Финской точки зрѣнія. Булгары восточные сосѣди здѣшнему Финскому міру, сообщавшіе о немъ свѣдѣнія Арабамъ, по всему вѣроятію и сами еще не подозрѣвали такого близкаго сосѣдства Славянскихъ колоній, они знали только Славянъ приходившихъ къ нимъ изъ Придвинья и отъ Ладожскаго озера.

Наконецъ въ одинадцатомъ столѣтіи у насъ является свой великій этнографъ всей Русской земли преподобный Несторъ, который мритъ всѣ противорѣчія иноземныхъ сказаній о здѣшнемъ краѣ, и представляетъ полную и

достаточно освѣщенную этнографическую картину здѣшняго края. Несторъ говоритъ. «На Бѣлѣозерѣ сѣдятъ Весь, а на Ростовскомъ озерѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ Меря же, по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу. Мурома языкъ свой и Черемиси свой языкъ, Мордва свой языкъ». (Лавр. стр. 5). Въ другомъ же мѣстѣ, описывая разселеніе народовъ по всей землѣ, онъ относитъ Весь, Мерю, Мурому, Черемисовъ и Мордву къ Финской расѣ, которую называетъ Чудью; въ Яфетовѣ части сѣдятъ Русь, Чудь и вси языцы Меря, Мурома, Мордва, Весь, Заволоцкая Чудь, Пермь, Печора, Ямь, Югра». Мы теперь знаемъ, что Пермяки и Ямь, т. е. жители южной Финляндіи принадлежатъ къ Финской расѣ; а Несторъ наравнѣ съ Пермяками и Ямью жителями южной Финляндіи отнесъ къ Чуди Мерю, Мурому, Мордву и Весь; слѣдовательно по прямому указанію Нестора Весь, Меря, Мурома и Мордва, древніе жители здѣшняго края принадлежатъ къ Финской расѣ.

Далѣе исчисляя племена, подчиненныя Славянамъ на Руси, Несторъ пишетъ: Себо токмо Славенскъ языкъ въ Руси: Поляне, Древляне, Новгородцы, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане. А се суть инїи языцы, иже дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва.... се суть свой языкъ имуще отъ колѣна Афетова, иже живутъ въ странахъ полуночныхъ». Въ этомъ изчисленіи для насъ съ одной стороны важно то,

что племена сіи названы подчиненными Русскимъ Славянамъ, дающими имъ дань, а съ другой стороны, что племена сіи отнесены Несторомъ прямо къ Яветидамъ, къ изконнымъ жителямъ Европы. Наконецъ разсказывая о приглашеніи Рюрика съ братьями въ Новгородскую землю Несторъ пишетъ: «И прія власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городамъ суть находницы Варязи, а первіи насельницы въ Новгородѣ Славяне, Полотски Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома». Такимъ образомъ по прямому свидѣтельству Нестора, первыми насельницами, туземцами въ Ростовѣ были Финны Меря, и на Бѣлѣозерѣ также Финны Весь, а самыя названія городовъ Ростовъ и Бѣлоозеръ чисто Славянскія; слѣдовательно города сіи были построены и наименованы Славянами, и туземцы Финны зависѣли отъ Славянъ и здѣшній край первоначально заселенный Финнами Мерью Весью и Мордвою колонизовался Славянскими поселеніями, застроившими свои города и начавшими Славянскую цивилизацію здѣшняго Финскаго міра еще до прибытія Рюрика въ Новгородъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Новгородскія Славянскія колоніи въ здѣшнемъ краю первоначально были очень рѣдки, и являлись какъ бы островами Славянскими въ Финскомъ морѣ, и группировались собственно въ городахъ, постро-

епныхъ Славянами и около городовъ; но Славянская цивилизація, какъ высшая передъ Финскою цивилизаціею постоянно шла впередъ, Славянскія колоніи постепенно увеличивались новымъ подходомъ колонистовъ изъ Новгорода, новыми пріобрѣтеніями и обработкою финскихъ земель и постояннымъ обращеніемъ туземныхъ Финновъ въ Славянъ, или оттѣсненіемъ туземной Финской расы къ Сѣверу и Востоку и даже вымираніемъ ея предъ высшею расою Славянскою, какъ это всегда бываетъ при столкновеніи низшей расы съ высшею. Это постепенное ославяненіе или оттѣсненіе и даже вымираніе Финской расы въ здѣшнемъ краю совершалось даже предъ глазами исторіи; на Финскую расу Славянская раса здѣсь напирала съ двухъ сторонъ: самый сильный напоръ шелъ съ Сѣверозапада, отсюда шли Новгородцы, самые энергичные и искусные цивилизаторы и колонизаторы, а другой напоръ Славянщины не такъ дѣятельный и довольно медленный подвигался съ Югозапада по Окѣ, этимъ путемъ тянулись другіе Славяне, Вятичи и постепенно засѣляли Финскіе непроходимые лѣса и отодвигали Финновъ къ Востоку къ Мокшѣ и Сурѣ. Конечно Вятичи были неважные цивилизаторы, это Славянское племя было ниже по своему развитію противъ другихъ Славянскихъ племенъ на Руси; но будучи сами тѣснимы Сѣверянами отъ верховьевъ Оки, они болѣе многочисленными массами напирали къ низовьямъ

этой рѣки, слѣдовательно по необходимости сильно тѣснили здѣшнихъ Финновъ къ Востоку; такъ что въ Муромѣ при Владимірѣ Святомъ образовалось отдѣльное Славянское княжество Муромское, куда Владиміръ послалъ Княземъ своего сына Глѣба; а потомъ при Ярославовыхъ дѣтяхъ тутъ устроилось довольно сильное и самостоятельное Русское княжество Рязанско-Муромское, куда къ прежнимъ Славянскимъ колонизаторамъ и цивилизаторамъ здѣшняго края, Новгородцамъ и Вятичамъ присоединились Сѣверяне, время отъ времени прибывавшіе сюда съ князьями изъ Черниговскаго княжескаго дома Святославичей; такъ вся страна по правому берегу Оки въ этнографическомъ отношеніи въ XII столѣтіи уже приняла Славянскій обликъ, тамошніе Финны или ославянились или отодвинулись къ Востоку къ Мокшѣ и Сурѣ, гдѣ еще раздольно и подъ управленіемъ своихъ князцовъ жила Мордва, и только небольшіе остатки финской расы продолжали еще держаться на восточныхъ окраинахъ Рязанскаго княжества въ землѣ Мещерской, которые и теперь тамъ еще держатся. Равнымъ образомъ и на лѣвомъ берегу Оки при верховьяхъ Протвы въ XII столѣтіи еще держался небольшой отломокъ Финской расы племя Голядь, уже со всѣхъ сторонъ - окруженное Славянами. Объ этомъ племени лѣтопись подъ 1147 годомъ говоритъ, что оно принадлежало къ Смоленской области и въ этомъ году было

покорено Святославомъ Ольговичемъ княземъ Новгородъ-Сѣверскимъ. Вся же прочая здѣшняя сторона въ XII столѣтіи подъ именемъ Ростовской и Суздальской земли была уже окончательно ославянена. Къ Новгородскимъ древнимъ колонизаторамъ сюда присоединился сильный напливъ Славянъ съ князьями изъ Придѣпровья,—сюда шли и Сѣверяне изъ Переяславля и Чернигова, и Поляне изъ Кіева, и Кривичи изъ Смоленска, такъ что при князѣ Суздальскомъ Юрьѣ Владимировичѣ Долгорукомъ Суздальская и Ростовская земля была уже краемъ совершенно ославяненнымъ, и Финская раса продолжала держаться только на сѣверныхъ окраинахъ,—Весь въ Бѣлозерскомъ краю и Меря около Галича Мерьскаго, но и здѣсь неославяненные Финны уже составляли меньшинство, неимѣющее общественнаго значенія, разсыпанное по отдаленнымъ селамъ, города же всѣ были чисто Славянскіе, равно какъ и высшее общество. На пребываніе довольно продолжительное и медленное ославяненіе Веси въ здѣшнемъ краю указываетъ лежащій въ Тверской губерніи на границахъ съ Новгородской уѣздный городъ Весьегонскъ. Кромѣ того сѣверные уѣзды Тверской губерніи и въ настоящее время имѣютъ нѣсколько волостей заселенныхъ Финскимъ племенемъ Корѣлою, которое впрочемъ выселено сюда изъ Новгородской области въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка. Весь живущая около Весьегонска до сего времени сохранила

свою Финскую физіогномію, хотя и утратила языкъ, замѣнивъ его Русскимъ языкомъ; крестьяне Весь-егонскаго уѣзда и особенно близь Весь егонска представляютъ свой особый типъ, отличающій ихъ отъ всѣхъ сосѣднихъ крестьянъ; глаза у нихъ довольно узки, носъ совершенно прямъ и довольно великъ, брови прямыя и такъ сходятся надъ носомъ, что съ перваго взгляда представляютъ одну линію, лицо овальное широкое, рѣчь мущинъ медлънна, но женщины говорятъ проворно. О самомъ уѣздѣ жители прочихъ уѣздовъ Тверской губерніи особенно старики крестьяне говорятъ, что тамъ живетъ Весь Егонская (Опис. Твер. Губ. Преображен. стр. 78).

Такимъ образомъ всѣ историческія данныя, добытыя изъ древнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ, начиная отъ Геродота до нашего Нестора включительно, свидѣтельствуютъ, что древнѣйшими туземными жителями здѣшняго края были разныя племена Финской расы, потомъ племена сіи еще въ доисторическія времена здѣшняго края подчинились Славянскому вліянію сперва изъ Новгорода отъ Ильменскихъ Славянъ, потомъ изъ Смоленска отъ Кривичей, и наконецъ въ сравнительно позднее время уже на памяти исторіи здѣшняго края по правому берегу Оки отъ Вятичей, Сѣверянъ и можетъ быть и съ Кіевской стороны. Это Славянское вліяніе особенно отъ Ильменскихъ Славянъ и Кривичей такъ

было сильно и постоянно, что здѣшній край, перепол-
ненный Славянскими колоніями, еще въ доисторическое
для него время на столько уже ославянился, что всѣ
здѣшніе древніе города были чисто Славянскими, а въ
послѣдствіи мало по малу постепенно и селенія приняли
Славянскій характеръ, такъ что въ XII столѣтіи по на-
шему лѣтосчисленію Суздальская, Ростовская, Рязанская
и Муромская земли уже были Русскою землею по на-
родонаселенію, Финны старожилы здѣшняго края или
обратились въ Славянъ съ удержаніемъ нѣкоторыхъ фи-
зіологическихъ особенностей, какъ это еще замѣчается
и теперь въ Веси живущей въ Весь-егонскомъ уѣздѣ,
или были оттѣснены къ восточнымъ и сѣвернымъ окра-
инамъ здѣшней стороны, или какъ незначительныя исклю-
ченія держались на своихъ старыхъ мѣстахъ уже под-
чиненные Русскимъ и со всѣхъ сторонъ окруженные
ими, но еще временно удерживавшіе свой племенной
Финскій типъ, какъ на примѣръ Голядь въ XII вѣкѣ
жившая при верховьяхъ Протвы. Теперь отъ литера-
турныхъ историческихъ свидѣтельствъ перейдемъ къ
даннымъ другаго рода, къ племеннымъ остаткамъ хра-
нящимся въ землѣ, къ древнимъ могиламъ съ ихъ ко-
стяками и похороненною въ нихъ домашнею утварью.

Къ сожалѣнію этотъ отдѣлъ важныхъ этнографиче-
скихъ данныхъ у насъ еще неразработанъ, особенно
относительно здѣшняго края; мы имѣемъ опубликован-

ными не болѣе двухъ раскопокъ древнихъ могилъ или кургановъ въ Московской губерніи; первую произведенную въ 1838 году въ Звенигородскомъ уѣздѣ при селѣ Верхогрязьѣ, въ имѣніи графа П. А. Толстаго, и другую произведенную въ 1854 году Московской губерніи въ Бронницкомъ уѣздѣ при селѣ Тихвинскомъ-Авдотьино тожъ. Въ описаніи обѣихъ раскопокъ преимущественное вниманіе обращено только на вещи найденныя при костякахъ и на положеніе костяковъ, на черепа же, которыми въ настоящее время научно опредѣляются расы человѣческихъ племенъ, вовсе не обращено вниманія. Тѣмъ не менѣе и сіи двѣ опубликованныя раскопки представляютъ уже важныя данныя для разъясненія здѣшней древней этнографіи и, должно сознаться, вполнѣ согласныя съ данными добытыми изъ литературныхъ историческихъ памятниковъ, приведенныхъ выше.

Первая раскопка, опубликованная Историческимъ Московскимъ Обществомъ въ 1838 году въ 3-й книгѣ Русскаго Историческаго Сборника, очевидно принадлежитъ къ древнѣйшимъ могиламъ; ибо во 1-хъ изъ четырехъ кургановъ разрытыхъ при этой раскопкѣ не найдено ни одной желѣзной вещи, а всѣ вещи сохранившіяся состоятъ изъ мѣди или смѣси съ какимъ либо другимъ легкоплавнымъ металломъ; это отсутствіе желѣзныхъ вещей при мѣдныхъ вещахъ даетъ намекъ, что могилы сіи или курганы, были сдѣланы еще до

знакомства здѣшнихъ старожиловъ съ Славянами и Булгарами, которые, какъ извѣстно по лѣтописямъ, доставляли здѣшнимъ Финнамъ желѣзныя вещи. Во 2-хъ въ разрытыхъ курганахъ найдены человѣческія кости похороненныя въ два и три яруса и нижнія даже ниже уровня окружной земной поверхности, тогда какъ у Русскихъ Славянъ ни въ одномъ племени не употреблялось двухъ или трехъ ярусныхъ могилъ и трупы погребались не въ ямахъ, а на поверхности земли посредствомъ насыпки на нихъ кургана. Въ 3-хъ на одномъ изъ костяковъ найдено витое мѣдное кольцо на большомъ пальцѣ правой ноги; о Славянахъ же нѣтъ нигдѣ никакихъ указаній, чтобы они носили кольца на пальцахъ ногъ. Всѣ сіи данныя могутъ служить указаніемъ, что раскопанные въ имѣніи графа Толстаго курганы принадлежали не Славянскому племени; но къ какому же именно, опредѣлить нельзя за недостаткомъ описанія найденныхъ череповъ и измѣренія самыхъ костяковъ, которые бы намъ указали научно къ какой расѣ племенъ принадлежатъ погребенные въ Звенигородскихъ курганахъ.

Вторая раскопка кургановъ, сдѣланная по распоряженію покойнаго сенатора С. Д. Нечаева въ Бронницкомъ уѣздѣ, въ 18 верстахъ отъ города Бронницъ на высокомъ берегу рѣчки Сѣверки въ лѣсу, какъ видно изъ ея описанія помѣщеннаго въ 22-й книгѣ Временника изда-

вавшагося Московскимъ Историческимъ Обществомъ, свидѣтельствуетъ о позднѣйшемъ построеніи сихъ кургановъ сравнительно въ Звенигородскими, ибо во 1-хъ въ одномъ изъ Броницкихъ кургановъ около правой руки костяка найденъ довольно большой перержавленный желѣзный серпъ; слѣдовательно костякъ принадлежалъ къ племени уже употреблявшему желѣзныя вещи и при томъ земледѣльческому, а не звѣроловному или кочевому; во 2-хъ обряды погребенія, сколько можно о нихъ заключить по остаткамъ и слѣдамъ найденнымъ въ Броницкихъ курганахъ, совпадаютъ съ обрядами погребенія употреблявшимися у тѣхъ Славянскихъ племенъ на Руси, которые погребали своихъ мертвецовъ, а не сожигали. а) Въ Броницкихъ курганахъ всѣ костяки найдены на поверхности земли, накрытые насыпью или курганомъ, и въ каждомъ курганѣ по одному костяку; б) всѣ костяки ногами обращены къ востоку; в) въ ногахъ каждаго костяка найдено по горшку, иные изъ синей глины, другіе желтые и подлѣ горшковъ уголья; г) одинъ изъ горшковъ съ угольями бывшими около него былъ доставленъ мнѣ; въ этомъ горшкѣ я нашелъ иловатый слой земли почти до половины горшка, проросшій какими то длинными и топкими корнями, которые слались даже по стѣнкамъ горшка, а въ угольяхъ собранныхъ около горшка и доставленныхъ мнѣ я нашелъ перегорѣлыя кости, которыя по разсмотрѣнію быв

нимъ профессоромъ Варнекомъ принадлежали, одинъ пѣтуху, а другія свиньѣ; именно изъ свиныхъ костей найдена челюсть, а изъ пѣтушьихъ ножныя кости; кромѣ костей въ угольяхъ найдены какіе то бѣлые камушки. Иностранцы, видавшіе погребеніе Русскихъ Славян въ X столѣтіи, говорятъ именно почти о тѣхъ же обрядахъ на которые указываютъ Брошицкіе курганы. Такъ Ибнъ-Фоцланъ, современникъ Игоря, видѣвшій русскій похоронный обрядъ въ Булгарѣ говоритъ: «надѣли на умершаго исподнее платье, сапоги, поясъ, камзолъ, кафтанъ парчевой съ золотыми пуговицами и соболью шапку, отнесли умершаго въ шатеръ поставленный надъ ладьею... Принесли медъ, плоды, благовонныя травы, хлѣбъ, мясо, лукъ, и все поставили предъ нимъ или возлѣ; положили съ боку оружіе умершаго; привели собаку, разрѣзали ее на двѣ части и бросили въ ладью, привели двухъ коней и двухъ коровъ и изрубили ихъ мечами и бросили мясо въ ладью; принесли еще пѣтуха съ курицею, зарѣзали и бросили тудаже». Или Грекъ Левъ діаконъ Калойскій, современникъ Святослава, наблюдавшій за русскими Славянами во время Святославова похода въ Болгарію, говоритъ, что Руссы при своихъ похоронныхъ обрядахъ рѣзали плѣнниковъ и топили въ водахъ Дуная младенцевъ и пѣтуховъ. Такимъ образомъ, судя по обрядамъ погребенія, замѣченнымъ иностранцами у Русскихъ Славянъ, совпадающимъ съ обря-

дами соблюдавшимися при погребеніи въ Бронницкихъ курганахъ, едвали можно сомнѣваться, что въ Бронницкихъ курганахъ похоронены люди принадлежавшіе къ Славянскому племени и именно къ Новгородцамъ, которые погребали своихъ мертвецовъ, а не сожигали.

Теперь отъ обрядовъ погребенія перейдемъ къ сохранившимся костякамъ и найденнымъ на нихъ вещамъ. Костяки по измѣренію сдѣланному на мѣстѣ были ростомъ не менѣе двухъ аршинъ 12 вершковъ, а иные и въ два аршина 13 вершковъ, одни лежали навзничь, а другіе бокомъ, руки и ноги врозь. Изъ двухъ череповъ бывшихъ у меня въ рукахъ, судя по сравненію съ рисунками великороссійскихъ череповъ и по измѣреніямъ, одинъ нельзя не признать за Славянскій черепъ Новгородскаго или великороссійскаго племени; въ правомъ вискѣ одного изъ череповъ сохранился заржавленный желѣзный наконечникъ стрѣлы, которою вѣроятно былъ убитъ похороненный. Вещи найденныя при костякахъ были слѣдующія: 1) четыре витыхъ обруча, изъ нихъ три серебряные, а четвертый мѣдный. Обручи сіи при взрытіи найдены лежащими на груди ближе къ шеѣ у каждаго изъ четырехъ костяковъ по одному. 2) четырнадцать штукъ въ видѣ огромныхъ серегъ особой узорчатой формы съ городками и насѣчками. Вещи сіи состояли изъ сплава золота, серебра и мѣди; по анализу произведенному Лаборантомъ Ферреймомъ, по распоряже-

нію профессора П. Эр. Лясковскаго, въ ста частяхъ сплава: золота оказалось 8 частей съ долями (8,839) серебра 57 частей съ долями (57,458) и мѣди 33 части съ долями (33,703). Серги сіи при раскопкѣ оказались лежащими по бокамъ черепа около ушей, въ иномъ курганѣ по двѣ серги у каждаго уха, а въ иномъ по одной серги у уха; подъ нѣкоторыми изъ нихъ лежали волосы какъ бы заплетенные въ косы и положенные на какую то шерстяную ткань уже совершенно изтлѣвшую, какъ и самые волосы. Серги сіи по рисунку и величинѣ одинаковы съ серьгами или подвѣсьями, найденными въ Звенигородскихъ курганахъ, и въ Лихвинскомъ кладѣ, опубликованномъ Московскимъ Историческимъ Обществомъ въ 1850 году въ V книгѣ Временника. 3) Семь колецъ снятыя съ ручныхъ пальцевъ, изъ нихъ три рѣшетчатыя въ видѣ перстней довольно грубой работы, три глухія рѣзныя также въ формѣ перстней, и одно витое серебряное, а прочія судя по виду изъ того же сплава, изъ котораго и серги. 4) Два серебряныхъ витыхъ наручника (или браслеты); они оказались при двухъ костякахъ на правыхъ рукахъ. 5) Серебряная небольшая вещица съ ушкомъ для спурка. 6) Двадцать двѣ бусины, изъ нихъ 12 штукъ продолговатыя, выточенныя изъ сердолика, и десять штукъ круглыя бѣловатаго цвѣта изъ горнаго хрусталя, величиною съ небольшой лѣсной орѣхъ. Сіи вещи при рас-

конкѣ лежали подлѣ помянутыхъ выше серегъ. Всѣ сіи вещи найдены только при четырехъ костякахъ, при пятомъ же костякѣ найденъ только желѣзный серпъ и, какъ при всѣхъ костякахъ, горшокъ въ ногахъ. При остальныхъ пяти костякахъ кромѣ горшковъ въ ногахъ, не найдено никакихъ вещей; изъ нихъ два оказались положенными на половинѣ курганной насыпи.

Такимъ образомъ и могилы или курганы, раскопанные въ Московской губерніи, говорятъ за одно съ литературными историческими свидѣтельствами, что здѣшній край еще въ доисторическую древность былъ заселенъ племенами двухъ расъ Финской и Славянской, и что племена Финской расы здѣсь были изстариннымъ, изконными обитателями, туземцами, а Славяне были болѣе поздними пришельцами, колонизаторами и цивилизаторами края, поселившимися здѣсь также въ доисторическія времена здѣшняго края. Впрочемъ нельзя не сознаться, что свидѣтельство могильныхъ кургановъ, раскопанныхъ въ Московской губерніи, еще не представляетъ такихъ твердыхъ и положительныхъ данныхъ относительно этнографіи здѣшняго края, какихъ бы можно было ждать отъ тѣхъ важныхъ остатковъ, которые скрываютъ могилы; ибо съ одной стороны извѣстныхъ опубликованныхъ раскопокъ было только двѣ, а съ другой стороны и сіи двѣ раскопки описаны далеко неудовлетворительно въ научномъ отношеніи, и,

что всего важнѣе, въ описаніяхъ не обращено вниманія на человѣческіе черепа и костяки. Обществу Любителей Естествознанія предстоитъ теперь эта важная и плодотворная работа, и одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и болѣе приготовленныхъ къ этому дѣлу членовъ Общества А. П. Богдановъ, вооруженный необходимыми научными познаніями, уже кажется приступилъ къ изученію череповъ вырываемыхъ изъ древнихъ могильныхъ кургановъ. Люди занимающіеся исторіею съ нетерпѣніемъ будутъ ждать результатовъ отъ работъ по этому предмету, а послѣдователи г. Богданову конечно не замедлятъ явиться изъ членовъ Общества.

И. Бѣляевъ.

Изъ 3-го проток. засѣд. Общ. Люб. Естеств.